

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 930.9:94(5)

ФАЗОВАЯ ТЕОРИЯ И.М. ДЬЯКОНОВА: ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ХОДА МИРОВОЙ ИСТОРИИ

И.К. Калимонов, Д.Е. Мартынов

Аннотация

Статья посвящена эпистемологической ситуации в исторической науке второй половины XX века. Увлечение поисками общих закономерностей привело к подмене истории социологией, к описанию различных культурных или социальных состояний общества, что определило отход от изучения единичного события, недооценке повествовательной истории, позволяющей описывать единичные явления в их постоянном изменении, учитывая при этом соотношение случайного и необходимого в истории. История представляла в этих описаниях как нечто заданное, предрешённое действием неких статистических законов, существующих отдельно от деятельности конкретных людей. И.М. Дьяконов стал рассматривать историю с феноменологической позиции. Его теория может быть использована для реконструкции всеобщей (глобальной) истории, так как в ней синтетически соединены лучшие стороны обеих конкурирующих научно-исследовательских программ: номологической и идеографической.

«Теория является обобщённым номологическим знанием, в структуре которой явление не просто описывается, а объясняется путём раскрытия его внутренней сущности. Теория должна объяснять факты на основе фундаментальных идей, принципов и законов, сводя их совокупность в единую систему»¹. В этом тезисе проявляется проблема, связанная со спецификой исторического знания. Теории, как правило, вырабатываются в процессе обобщения накопленной информации с последующей их верификацией путём наблюдения или его разновидности – эксперимента. Поскольку прямое наблюдение за тем, что уже произошло, в принципе невозможно, неоднократно ставился вопрос о том, что историю нельзя считать научной дисциплиной, так как её конструкции условны, умозрительны по своей природе и субъективны. В попытке избежать этих недостатков, присущих истории как дисциплине, а также под влиянием развития социальных наук, и в первую очередь социологии, изучающей только

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 2003. – С. 26.

то, что имеет склонность к повторяемости и имеет массовый характер, в историографии XX в. стали доминировать подходы, ориентированные на изучение массовых явлений, обусловленных воздействием объективных факторов исторического процесса. Общая направленность таких исследований определялась и тем, что историки XX в. сами были современниками эпохи массовых общественных движений и социальных изменений, вызванных промышленной революцией и научно-техническим прогрессом. Эти исследовательские программы были привлекательны тем, что облегчали применение системного подхода, а во многих случаях позволяли применять математические методы исследования. В современной французской историографии они получили название «функционалистских»¹. К ним можно отнести все три основных течения европейской исторической мысли: позитивизм, марксизм и французский структурализм (французская историческая школа «Анналов»). Недостаток всех этих подходов был один: они не учитывали наличие у людей (субъектов истории) свободы выбора, обусловленной наличием воображения.

Представители самой школы «Анналов» констатировали, что «в последние два десятилетия XX в. **функционалистская парадигма**, несмотря на отсутствие сколь-либо явного кризиса, судя по всему, потерпела крах, а вместе с ней и научные идеологии, объединявшие социальные науки (или служившие им общей отсылочной рамкой). <...> **само общество перед лицом новых, с виду необъяснимых форм кризиса было охвачено сомнениями, неизбежно порождавшими скептицизм относительно самих притязаний на глобальное понимание социального.** Такие притязания, выражаемые в явной или скрытой форме, составляли кредо предшествующих поколений историков; отныне же осуществление этой цели откладывалось»².

Результаты научно-технического прогресса привели к тому, что стала очевидной роль субъекта в социальных изменениях. В условиях, когда от группы людей, обладающих возможностью применения ядерного оружия, зависит судьба человечества, говорить об объективных законах неуклонно прогрессирующего человечества, по крайней мере, наивно. Стало понятно, что необходимо изменить точку зрения на роль так называемых объективных факторов исторического развития. Их надо рассматривать не столько как основу объективного развития общества, сколько как объективные ограничители человеческого воображения. Чем больше люди понимают механизмы воздействия этих ограничителей, тем больше степеней свободы становится у общества. Другими словами, как писал в своей книге французский историк Э. Куто-Бегари, стало очевидным, что «писать историю болезни, игнорируя наличие вполне конкретных больных и врачей, просто нельзя»³.

Функционалистские школы наткнулись на препятствие, о котором предупредил Н.И. Кареев – «преобразование истории по типу номологических наук... означало бы её упразднение или, вернее, превращение в социологию». (Заметим,

¹ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. – 1998. № 6. – С. 76.

² Там же. – С. 77.

³ Coutau-Bégarie H. Le Phénomène nouvelle histoire, grandeur et décadence de l'école des «Annales». – Paris, 1989. 2-ed. – P. XXVII.

что эти слова выдающийся российский историк написал в начале XX в., тогда, когда только зарождались исследовательские программы, положившие начало школе «Анналов»¹. Таким образом, возможно изучение истории структур и статистики, но не истории, которую делают люди. Междисциплинарный подход, который был представлен как новое слово в историографии, оппонентами был охарактеризован как перенос методов социологии на историческую науку².

Для отечественной историографии 1990-х гг. было типичным восторженное отношение к одному из самых ярких проявлений такого подхода к изучению истории, а именно к школе «Анналов», которую противопоставляли марксизму в традиционном для советской историографии понимании. В действительности между этими парадигмами научного осмысления истории гораздо больше общего, чем принято думать. Увлечение поисками общих закономерностей привело в конечном итоге к социологизации истории, к описанию различных культурных или социальных состояний общества, что повлекло за собой отход от изучения единичного события, недооценку повествовательной истории, позволяющую описывать единичные явления в их постоянном изменении, учитывая при этом соотношение случайного и необходимого в истории. История представала в этих описаниях как нечто предзаданное, предрешённое действием неких статистических законов, существующих как бы отдельно от деятельности конкретных людей.

Характерной особенностью развития исторической науки до 60-х гг. XX в., – равно востоковедческой и «западнической» её составляющих – была тенденция выявления статической структуры общества. Возникла ситуация, характеризующаяся следующими особенностями: а) имел место разрыв между теоретическим осмыслением накопленной информации и массивом конкретно-исторической информации по странам и регионам, которым располагают отрасли исторической науки³; б) имел место разрыв между «статичностью» предмета исторической науки и динамикой тех же предметов, изучаемых другими общественными дисциплинами⁴; в) имело место резкое количественное и качественное несоответствие массивов накопленных данных и уровня их теоретического ос-

¹ Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и теория исторического процесса. Ч. I. – СПб., 1913. – С. 70.

² Dosse Francois. L'histoire en miettes. Des Annales à la nouvelle histoire. – 1987. – P. 69.

³ Можно привести в качестве примера курьёз, также связанный с именем И.М. Дьяконова. После публикации в «Вестнике Древней Истории» (далее везде – ВДИ) статьи «Община на Древнем Востоке» (1963. № 1. – С. 16–34) в том же году учёный подвергся чрезвычайно некорректной критике со стороны М.О. Косвена (см.: Косвен М.О. К вопросу о древневосточной общине // ВДИ. – 1963. – № 4. – С. 30–34). Показательным моментом этой критики было то, что М.О. Косвен, судя по всему, не понимал, как можно выводить теорию из фактического исторического материала, а не из работ предшественников (он обвинил И.М. Дьяконова в заимствовании взглядов Б.Г. Нибура). Также он критиковал материалы о деспотической власти патриарха в древне-месопотамской общине на основе цитаты Энгельса относительно югославской задруги (см.: указ. соч. – С. 33.)

⁴ Данное обобщение в большей степени касается отечественного востоковедения. Как выразился акад. И.М. Дьяконов, «даже проблемами общественного производства на древнем Востоке мы занимались мало, и тем менее мы занимались проблемами потребления, обмена, обращения, экономических целей производства, бюджетом отдельных государственных и особенно частных хозяйств и т. п. Такие важнейшие вопросы, как характер собственности в древнем мире на разных этапах его развития, уровень товарности и т. п., не были до конца решены. Например, утверждая в том или ином случае, что уровень развития товарного производства или же выхода товарной продукции был низок, мы никогда не пытались проверить это утверждение на конкретном материале и точнее выяснить этот уровень, а в этой области, как оказывается, нас ждут чрезвычайно интересные сюрпризы» (Дьяконов И.М. Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии) // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. – М., 1971. – С. 128).

мысления в отраслевой структуре исторической науки (востоковедческие дисциплины развивались «на опережение»).

В результате оказывалось, что разрабатываемые относительно немногочисленными мыслителями общие схемы развития человечества, во-первых, чрезвычайно несходны между собой, во-вторых – страдают той же самой «статичностью». Прежде, чем обращаться к главному предмету нашей работы, надлежит осмыслить это положение.

В первую очередь, это выводит нас к основной дихотомии, на которой строятся большинство теорий и методик исторических исследований, – оппозиции «Восток – Запад», а ещё точнее – «Запад – Восток».

Отстранение как чуждой истории части человечества, не принадлежащей к той или иной этнической общности, полагающей себя «избранной» или «цивилизованной», не является привилегией европейских народов¹. Является ли представительной эмпирическая база, объясняющая причину того, что европейское сознание (равно античное и нововременное) вплоть до начала XX в. отстраняло как чуждую себе всю историю человечества, предшествующую эллино-иудейской, а также отправляло всё, что находилось вне сферы собственной духовной жизни, в витрины этнографических музеев? Утверждение (мы его цитируем по К. Ясперсу) «наука и техника возникли у романо-германских народов»² несостоятельно. Как показали исследования Дж. Нидэма и Н. Сивина (на китайском материале), высокоразвитая технология может возникнуть как результат деятельности сознания, не обладающего рациональностью и логическим мышлением в современном его виде³. Следовательно, причины расхождения путей развития и того, что Запад в XX в. явно потеснил Восток (по крайней мере, в сфере практической политики и технологии), необходимо искать в другом месте.

Следуя логике рассуждения К. Ясперса, попытаемся выделить некие глубинные основания европейской «исключительности».

1. *Идея политической свободы*⁴.

2. *Рациональность*, основанная на логической мысли и эмпирической данности. Это же касается не только науки и способа философствования: в сфере общественных связей возникает идея правового государства с его исчисляемостью жизненных функций каждого отдельного индивида. Это возможно только при «нацеленности» рефлексии на познание *границы рациональности*.

3. *Осознанная внутренняя глубина личности*⁵. Естественно, что в различных эпохах и культурах (греческой, римской и т. д.) она будет наполняться

¹ Пережитки этого архаического типа мировосприятия и по сию пору могут встречаться на Дальнем Востоке (особенно в Китае). В аккадском языке вплоть до VI – V вв. до н. э. термины «чужеземец» и «враг» были синонимами.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1994. – С. 85.

³ См.: Needham J. Science and Civilization in China: in 7 v. V. 1. Introduction and Orientation. – Cambridge, 1954. Из новейших работ на эту тему см.: Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: пути познания запредельного. – СПб., 2005.

⁴ В «Смысле и назначении истории» на первое место выносятся географическая специфика: разнообразие ландшафтов Запада в отличие от «замкнутых континентов Китая и Индии». Однако этот тезис мы отмечаем ввиду его несостоятельности. Подробнее (на материале Китая) см.: Малявин В.В. Сумерки Дао (китайская культура Нового времени). – М., 2000. – С. 16–27.

⁵ Более всего (и поэтичнее, добавим от себя) об этом писал О. Шпенглер. См.: Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. – М., 2003. – С. 351–435. Ср. специфику китайской личности эпохи позднего средневековья: Малявин В.В. Сумерки Дао. – С. 80–117.

различным содержанием, при этом сохраняя общее – возможность отделения «Я» от природы и человеческого сообщества.

4. *Осознание необходимости существования мира в своей реальности.*

Последний тезис означает, что расщепление сущности на экзотерическую (жизнь в её животности) и эзотерическую (трансперсональную) будет в западном сознании и образе мышления, а в конечном итоге, и в образе жизни нивелироваться, пытаюсь найти выход из указанного деления в самой структуре мира, с помощью идеи поднять действительность до необходимого уровня¹. Последнее означает, по Ясперсу, что «Запад знает с неопровержимой достоверностью, что он должен формировать мир. Он ощущает смысл реальности мира, смысл, в котором заключена беспредельная задача – осуществить познание, созерцание, воплощение этой действительности мира в нём самом, из него самого. <...> Тем самым стало возможным познание действительности мира, постигающее крушение в том глубоком смысле, который ещё не есть окончательное истолкование. Трагическое становится действительностью и сознанием одновременно»².

О чём свидетельствуют выделенные К. Ясперсом особенности европейского менталитета? В качестве оппозиции ему можно привести китайский опыт. Китайский вариант мировосприятия и миропонимания – это предельно развитая культурная традиция здравомыслящего и социализированного «нормального человека». П. Тейяр де Шарден писал: «...у Китая (разумеется, я имею в виду *старый* Китай) отсутствовали вкус и стремление к глубоким обновлениям. Странную картину являет собою эта огромная страна, ещё вчера представлявшая собой лишь едва изменившийся живой осколок мира, таким, каким он мог быть десять тысяч лет назад... Конечно, невероятно рафинированная цивилизация, но, подобно письму, в котором она себя столь непосредственно выражает, не меняющая методов со времени своего начала. В конце XIX в. – ещё неолит, не обновлённый, как в других местах, а просто бесконечно усложнённый, не только по тем же линиям, но и в том же плане, как будто он не мог оторваться от той земли, где он сформировался»³.

Придерживаясь той же логики, можно придти к выводу, что западный вариант развития цивилизации – парадоксальное отклонение «от нормы», так что известный синолог-философ и культуролог А.И. Кобзев имел основания утверждать, что западная цивилизация есть своего рода «извращение ума», основанное на «стремлении к невозможному» и «вере в абсурдное»⁴. Формирование европейской цивилизации было обусловлено рядом уникальных и неповторимых событий (античная цивилизация, христианство, рождение капитализма, информационные революции, научно-техническая революция). Самоосмысление европейской цивилизации происходило с помощью линейной концепции времени, признания абсолютно уникальных актов истории – Боговоплощения и Второго пришествия. Китайская цивилизация развивалась циклически и потому самоосмыслялась в терминах и теории «возвращения на круги своя». Евро-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – С. 85–86.

² Там же. – С. 86–87. Всего К. Ясперсом выделены девять особенностей, но для наших целей достаточно первых четырёх.

³ П. Тейяр де Шарден. Феномен человека. Вселенская месса. – М., 2002. – С. 217.

⁴ Кобзев А.И. Духовные основы китайской цивилизации // XXXIV НК ОГК. – М., 2004. – С. 129.

пейское мировоззрение экстрасенсуально и сверхрассудочно, так что платоническая философия, христианская теология и современная научная теория производят трансцендирующее удвоение мира в его конструкции. Для китайского рассудочного и сенсуалистического натурализма мир един и неделим, в мире всё имманентно и ничто, включая самые тонкие сущности, не трансцендентно. В идеальном мире западного человека действуют абстрактные логические законы, в том числе законы исторического и общественного развития. В натуралистическом мире китайца господствуют классификационные структуры, так что место логики занимает нумерология.

Перечисленное означает возможность создания целостной динамической картины всеобщего (в т. ч. всеобщей истории). Вследствие этого в рамках европейского дискурсивного сознания общие типологии хода человеческой истории создают, как правило, исследователи *европейской цивилизации*. Это относится к тем представителям исторической науки, которые в силу тех или иных причин отказывались признавать наличие общих закономерностей в развитии человечества¹. В этом случае задачей историка объявлялось выявление только частных факторов или же выдвигались теории, подобные предложенной А. Тойнби: идея его может быть сведена к утверждению о последовательном возникновении и гибели почти не связанных между собою причинно цивилизаций². Этот подход означал переворот в культурологии, но оказался непродуктивным для собственно исторической науки.

Западная историческая наука XX в. предложила множество моделей типологии развития человеческого общества, из которых наиболее живучей оказалась периодизация У. Ростоу, в понимании которого социумы подразделяются на доиндустриальные (первобытные, или догородские, а затем городские) и индустриальные, а после них (пока лишь намечающиеся) – постиндустриальные. «Такая классификация, конечно, соответствует наблюдаемым фактам и в этом смысле приемлема, но она содержит тот коренной недостаток, что в ней отсутствует элемент причинности»³.

С точки зрения каузальности, таким образом, преимущество имеет теория социально-экономических формаций, основы которой были заложены в начале XIX в. А. де Сен-Симоном, развиты множеством исследователей, в т. ч. К. Марксом, а в версии, использовавшейся советской историографией (в течение полувека), – М.И. Покровским, В.В. Струве, и эта версия, т. н. «пятичленка», была официально закреплена «Кратким курсом истории ВКП(б)»⁴.

¹ Список исключительно велик: начиная со славянофилов Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева до таких широко известных учёных, как Э. Мейер, О. Шпенглер, П.А. Сорокин, Р. Бенедикт, Ф. Нортроп и Т. Элиот и многие иные.

² Заметим, что А.Дж. Тойнби являлся специалистом по античности, в результате чего теоретическая часть его доктрины опять-таки является «западнической». Так, накануне Первой мировой войны он пришёл к выводу, что западный мир находится в полосе жизни, соответствующей началу Пелопоннесской войны. Эта мысль и вылилась в идею провести сравнение между цивилизациями (см.: *Кожурин К.Я.* История с высоты птичьего полёта // Тойнби А.Дж. Исследование истории. Т. 1. – СПб., 2006. – С. 18–19). Критики (в т. ч. П.А. Сорокин) не раз отмечали, что Тойнби интерпретировал историю неевропейских цивилизаций в категориях эллинской культуры. Это очень показательно.

³ *Дьяконов И.М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М., 1994. – С. 5.

⁴ Характерно, что теоретические бури, свирепствовавшие в СССР в 20–30-х гг. XX в., оказали существенное влияние на историческую мысль Японии и Китая, но западная наука оказалась не затронутой ими. Подробнее см.: *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. – М., 1975. – С. 5 и далее.

Все варианты этой теории будут иметь большое сходство с предшествующим блоком в одном отношении. В этом месте ненадолго вернёмся к А. Дж. Тойнби, который высказал в своё время предположение, что необходимо выбирать между двумя противоположными точками зрения: либо история как целое соответствует единому порядку и плану (или служит его проявлением), либо же она – беспорядочный поток, не поддающийся никакой разумной интерпретации¹. Попытка комбинирования лежала в основе его *The Study of History*. В последних томах этого труда явно прослеживается мысль, что возникновение и упадок цивилизации могут поддаваться *телеологической интерпретации*.

Этого «телеологизма» не смогли избежать и марксисты, правда, в чрезвычайно специфической форме. «Под «капитализмом» Маркс, конечно, подразумевал такой способ производства, где буржуазное меньшинство эксплуатирует трудящееся большинство (пролетариат), и, как сейчас очевидно, правильно определял этот способ производства как одну из преходящих ступеней общественного развития человечества. Не ограничившись предложенной им периодизацией исторического процесса, Маркс применил к его исследованию гегелевскую идею движущих противоречий. Для трёх антагонистических формаций это было противоречие между эксплуатируемым и эксплуатирующим классами. Слабость марксистской концепции заключалась, прежде всего, в том, что не было найдено убедительного движущего противоречия ни для первой, первобытной, формации, ни для последней, коммунистической. Поэтому коммунистическая формация рассматривалась как абсолютное гармоническое будущее – идея, восходящая к христианской апокалипсической эсхатологии и плохо вяжущаяся с материалистическим объяснением исторического процесса»².

Тем самым, И.М. Дьяконов предлагает совершенно иную интерпретацию хода мировой истории – с позиции востоковеда.

Концепция Дьяконова продолжает традиции другой точки зрения на сущность исторического познания. Поток хвалебных статей и книг в адрес «Анналов» заслонила тот факт, что позиция «школы *Annales*» подвергалась серьёзной критике в самой Франции с позиций феноменологии и герменевтики, то есть со стороны историков, придерживавшихся позиций немецкой исторической школы, ведущей своё происхождение от В. Дильтея, Г. Зиммеля, Г. Риккерта и М. Вебера. Последовательно с критикой функционалистских подходов во Франции выступали с 30-х гг. прошлого столетия преимущественно философы: Раймон Арон³, Эммануэль Мунье⁴, Морис Мерло-Понти⁵ и Поль Рикёр⁶. Так называемый идеографический подход, которого придерживался и Н.И. Кареев, всегда был антитезой номологическому подходу. Именно противостояние этих научно-исследовательских программ было одной из движущих причин развития исторической мысли на протяжении почти двух столетий. Идеографическая парадигма позволяла учитывать роль субъективного фактора в историче-

¹ Кожурин К.Я. История с высоты птичьего полёта. – С. 27.

² Дьяконов И.М. Пути истории. – С. 7.

³ См.: Арон Р. La Philosophie critique de l'histoire: essai sur une theorie allemande de l'histoire. – Paris, 1938.

⁴ См.: Мунье Э. Манифест персонализма. – М., 1999.

⁵ См.: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб., 1999.

⁶ См.: Рикёр П. Время и рассказ. – М.; СПб., 2000.

ском процессе, поэтому историки не могли полностью игнорировать её. Но её нельзя было сделать основой для обобщений. Только с появлением синергетики стало ясно, что способ объяснения части из целого как основной принцип герменевтики позволяет сравнивать различные модели исторического процесса на основе ретроспективного метода. Таким образом, выявилась возможность сравнивать, обобщать и конструировать альтернативные модели исторического процесса и на этой основе конструировать теорию всемирной истории.

Ещё персоналисты, в частности, предлагали рассматривать историю с точки зрения, устраняющей крайности, присущие всем номологическим моделям исторического процесса. Ещё в 30-е гг. прошлого столетия персоналисты пришли к выводу о том, что всемирная история свидетельствует о возникновении творческой личности в результате борьбы двух противоположных тенденций: постоянной тенденции к деперсонализации, отведения жизненных потоков в безопасные зоны и движения к персонализации, отдельных бросков к вершине, открывающих путь массовому восхождению¹. Личность, по их мнению, нельзя рассматривать как объект. Личность обособляется от природы. Человек – единственный, кто природу преобразует. И сколько бы жёстких детерминант не воздействовало на него, каждая новая из них, открываемая учёными, одновременно вводит в нашу жизнь ещё одну степень свободы. Соответственно, каждая новая детерминанта, наличие которой стало очевидным, становится основой для создания новых моделей объяснения и понимания истории человечества.

Противостояние номологической и идеографической моделей исторического познания позволило заново сформулировать суть самого исторического знания как «возвратного вопрошания»². Историческое знание – всегда интерпретация. Но эта интерпретация – рациональное переосмысление исторического опыта на основе теоретических обобщений современных пишущему историку знаний об обществе. Историческую теорию можно разработать только на основе современного исторического опыта, здесь мы в состоянии наблюдать и проверять действенность теории, объясняющей причины изменений общества. Данная теория приспособливается затем для изучения прошлого в зависимости от того, какие следы оставила изучаемая историком эпоха и в зависимости от предмета изучения. Таким образом может достигаться относительная объективность исторического познания. Данный подход соответствует принципам герменевтики: часть объясняется из целого.

Идеографическая парадигма исследования по сути своей – уликовая парадигма. Сравнение задачи исторической критики с задачей судебного следствия выявил ещё Кареев: «Отличие исторической критики от судебного приговора заключается лишь в том, что в суде довольствуются по отношению к подлинности документов ответами: «да» или «нет», а в научных вопросах может быть и третий: «не знаю»³. Эта ситуация сохранялась в конкретно-исторических исследованиях, но только в прикладных рамках. Никто не думал, что на этой основе можно создать иную теорию исторического процесса. Большинство в духе времени было ориентировано на поиск повторяемостей, на основе которых

¹ Мунье Э. Манифест персонализма. – М., 1999. – С. 472.

² См.: Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. – М.; СПб., 1998.

³ Кареев Н.И. Указ. соч. – С. 121.

можно было бы открыть некие общие универсальные закономерности. Именно на основе этих универсалий предполагалось создание цельной научной картины мировой истории. Но можно предложить и другой подход, когда за основу объективности берётся прагматический идеал научности, используемый в том числе и в юриспруденции. Здесь за целое берётся обобщённый опыт, наработанный в сфере правоохранительной деятельности на данный момент, и исходя из этого строятся версии и ведётся следствие. Цельная картина получается, но только для данного момента развития мысли. Понятно, что по мере накопления опыта она будет меняться как через верификацию, так и через фальсификацию принятых сообществом историков теорий.

При такой постановке вопроса историки конструируют представления об истории исходя из теоретически осознанного опыта, современниками которого они являются. Именно это имел в виду Раймон Арон, когда писал: «Любая наука культуры частична (даже если она устанавливает законы), потому что её точка отсчёта легитимно произвольна»¹.

В таком случае смысл привносится в историю самими людьми: им нужен рационализированный исторический опыт для рационального построения планов на будущее. Конечно, можно строить планы исходя из мифологии (предрассудков), но в этом случае надо встать на позиции полного отрицания способностей человека изменять свою жизнь к лучшему.

В данном случае необходимо рассматривать прогресс как процесс расширения степеней свободы личности в самоорганизующемся обществе: прогресс — не столько развитие техники, сколько расширение ментальных горизонтов и этическое ограничение свободы воли. Прогресс, конечно, — не развертывание изначально заложенной конечной идеи и не движение от зла к добру, от несчастья к счастью, от несовершенства к совершенству. Это, скорее, процесс динамики потребностей и ожиданий, имеющих тенденцию к постоянному расширению и усложнению. Они обусловлены ростом технологической мощи (те, у кого её нет, всё равно подстраиваются под тех, кто ею обладает), демографическим ростом и необходимостью совершенствования отношений между людьми на основе этики (неспособные наладить гражданское согласие в своём социуме при условии значительных изменений по первым двум показателям в лучшем случае оказываются на «обочине истории»)². Усложнение социальных связей в современных условиях предполагает необходимость роста индивидуальной свободы при усилении личной ответственности. Этим определяется переключение интереса историков к проблеме субъективности в истории, так как сосуществование субъектов, наделённых свободой воли и воображением при изменении всех остальных факторов и есть основа выживания социума как системы.

Таким образом, по аналогии с субъектом исторического процесса на социум переносится понятие «опыт» как основа конструирования планов на будущее и как главный ограничитель, определяющий страхи и надежды. Именно опыт можно рассматривать как метаисторическую категорию, позволяющую сравнивать разные общества, существующие одновременно. Метаисторические

¹ Aron R. La sociologie allemande contemporaine. — P. 85.

² Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. — М., 2001. — С. 82.

категории, первую из которых выдающийся немецкий историк Райнхарт Козеллек называет «пространством опыта», а вторую – «горизонтом ожидания», образуют особое семантическое поле, которое формирует будущее.¹ То есть именно так формируется направленность мышления, присущего людям определённой эпохи. Вероятность предсказанного будущего выводится из предпосылок прошедшего, обогащенного опытом. Прогноз содержит в себе этот опыт, «пространство» которого формирует определенный «горизонт ожиданий». Как выражается Козеллек, «опыт освобождает прогноз и управляет им»².

Такой подход, базирующийся на принципах феноменологии и герменевтики, позволяет преодолеть противостояние, которое обозначают как противостояние между онтологическим и гносеологическим подходами к изучению истории. Да, в основе действий людей лежат их представления, но сами представления формируются в процессе деятельности. Именно в постоянной связке надо рассматривать их формирование. Вопрос только в том, как это сделать практически, объясняя эволюцию человечества в целом.

Именно в этом контексте предложил рассматривать всеобщую историю человечества И.М. Дьяконов, отталкиваясь от идеи, что единственно возможный путь выделения общего в эволюции человеческих обществ – путь сравнения различных обществ с позиций современного теоретически осознанного опыта. Нам представляется, что концепция Дьяконова может быть использована для конструирования всеобщей (глобальной) истории, так как в ней синтетически соединены лучшие стороны обеих конкурирующих научно-исследовательских программ: номологической и идеографической. Но прежде чем писать о самой концепции, изложенной в его работе «Пути истории» (совершенно незаслуженно обойдённой вниманием нашей историографией), надо обратиться к процессу формирования исторических взглядов самого Дьяконова.

Эволюция взглядов И.М. Дьяконова на древневосточное государство в 1937–1994 гг.³ В настоящей статье нет места даже для беглого очерка всех исследовательских интересов И.М. Дьяконова (1915–2000). За 63 года научно-исследовательской деятельности он опубликовал 28 монографий (считая коллективные многотомники «Всемирная история» и «История древнего Востока») и свыше 500 статей, в том числе в авторитетных зарубежных журналах и в «Британской энциклопедии»⁴. Поэтому мы вынужденно сосредотачиваемся

¹ Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten.* – Frankfurt/M., 1989. – S. 354.

² Ibid. – S. 359.

³ Хронологические рамки выстроены по хронологии его трудов, посвящённых данным проблемам. Более или менее подробную библиографию см.: <http://www.pvost.org/material/bibliogr/pages/diakonov.html> (составлена Э.С. Русиновой). Нижняя граница – доклад 1936 г. «К истории значений одного термина: (От коллективного родового жилища до мирового города)» (опубл.: *Лингвист.* – Л., 1937. № 4. – С. 117–132. Верхняя граница – итоговая монография «Пути истории» (в 1999 г. вышла в Оксфорде, в английском переводе автора).

⁴ Первичная классификация работ И.М. Дьяконова выполнена В.А. Якобсоном (см.: ВДИ. – 2000. № 2. – С. 5). Она заведомо неполна, равно и любая опубликованная библиография его работ. Диапазон эрудиции и творческих интересов Игоря Михайловича поражает: владея 25 языками, он мог одновременно создавать работы во многих областях, всегда составляющие новое слово в науке. Можно выделить три исследовательских направления: 1) работы, посвящённые политической и социально-экономической истории (преимущественно, стран Передней Азии III – I тыс. до н. э. от Урарту до Египта, от Вавилонии до Средней Азии и проч.); 2) работы, посвящённые языкам и письменностям Древнего Востока (от формирования клинописи до родства шумерского языка с языками группы мунда или родства хурритского языка с этрусским, исследо-

только на том направлении исследований И.М. Дьяконова, который привёл к написанию «Путей истории».

Публикуемые в журнале «Вестник древней истории» в 40–50-е гг. статьи И.М. Дьяконова демонстрируют эволюцию интересов от сугубо лингвистических проблем к конкретно-историческим. Здесь также проявился талант междисциплинарных исследований (хотя такой термин в 1951 г. вряд ли существовал). Вероятно, первым шагом И.М. Дьяконова к формированию собственной теории государства на Древнем Востоке стали не его филологические изыскания относительно изменения значений термина «город» и «община» с III по I тыс. до н. э., а статья «О площади и составе населения шумерского города-государства». Помимо основной темы – предложенной методики подсчёта численности населения на основании археологических данных – статья содержала второй смысл: исследование массивов хозяйственных документов древних поселений и топологическая разведка этих поселений привела учёного к выводу о том, что в Шумере земля не находилась целиком во владении государства.

Дальнейшая разработка этой темы последовала в статье «Государственный строй древнейшего Шумера»¹. Содержание её было ответом зарубежным востоковедам школы Э. Мейера, полагавших деспотию исконной формой восточного государства, от самого возникновения государства вообще.

В первую очередь И.М. Дьяконов критикует утвердившийся в литературе применительно к Востоку термин «город-государство». «Этот термин, заимствованный из истории античного мира, вряд ли можно признать удачным для данного случая: прежде всего Лагаш, Умма, Ур, Урук и другие шумерские так называемые «города-государства» представляли собою вовсе не города, а более или менее обширные территории, организованные вокруг одного центра, но не с одним, а с целым рядом сравнительно крупных поселений, организационно составлявших одно целое. Во-вторых, у этих поселений общее с городом было только то, что они были обнесены стенами. Население в них было по преимуществу земледельческое. Поэтому если уж заимствовать откуда-то термин для этих объединений, то лучше брать его не из античного мира, а из гораздо более сходного общества – Египта, где подобным объединениям издавна присвоено название «ном»².

Исследование хозяйственных и властных отношений в номовом государстве и обществе привели исследователя к следующим выводам: «В экономическом отношении общество Шумера разделялось на два сектора. В первый входили крупные хозяйства, которыми владели храмы и верхушка должностных лиц нарождавшегося государства. Эти хозяйства в течение первых столетий письменной истории постепенно вышли из-под ведения общинных органов самоуправления. Во второй сектор входили земли, свободное население которых участвовало в органах общинного самоуправления; этими землями в пределах территориальных общин владели большесемейные общины во главе со своими

вания семитских языков и т. д.); 3) переводы письменных памятников, исторических памятников и литературные переводы (в т. ч. эпоса о Гильгамеше, книг Ветхого Завета). В перечисление не попадают художественные переводы поэзии Китса, исследования в области пушкинистики и т. д.

¹ Ядром её послужил доклад, прочитанный в Государственном Эрмитаже в 1940 г. Война сильно задержала публикацию этой работы.

² Дьяконов И.М. Государственный строй древнейшего Шумера // ВДИ. – 1952. – № 2. – С. 15.

патриархами. На третьем-четвертом поколении домашняя община обычно делилась, но разделившиеся общины продолжали считаться родством, могли иметь общий культ предков, обычаи взаимопомощи и т. п.¹ В дальнейшем хозяйства первого сектора стали собственностью государства, хозяйства же второго (общинно-частного) сектора остались под верховной собственностью территориальных общин и во владении глав семей; практически такое владение отличалось от полной собственности лишь тем, что пользоваться и распоряжаться землей по своей воле могли только члены территориальных общин (соседских, сельских, затем и городских). Общинники, т. е. свободные члены хозяйств общинно-частного сектора, как правило, работали на земле сами и с помощью только членов своей семьи. Однако в пределах домашних общин, и в особенности между родственными домашними общинами, существовало имущественное неравенство. Таким образом, общество, сложившееся в III тысячелетии до н. э. вдоль нижнего Евфрата, разделилось на сословия².

Уже в 60-е гг. И.М. Дьяконов активно участвует в развернувшихся в СССР дискуссиях относительно «азиатского способа производства»³. Не вдаваясь в подробности, очень далеко бы уведшие нас в сторону, следует остановиться на ряде выводов, представленных во введении к «Пути истории». «Советским историкам древности... стало ясно, что эксплуатация рабского труда в производстве не являлась движущим фактором древней общественной формации. <...> Эта второстепенная роль рабского труда ясно показана в работах Л.Б. Алаева, О.Д. Берлева, Е.С. Богословского, А.А. Вигасина, М.А. Дандамаева, К.К. Зельина, В.П. Илюшечкина, Ю.Я. Перепелкина, Н.Б. Янковской и моих собственных; то же можно заключить и из внимательного изучения работ таких отечественных антиковедов, как А.Б. Егоров, Г.С. Кнабе, Е.М. Штаерман и многих других»⁴.

Возникает закономерный вопрос: что именно противопоставлял И.М. Дьяконов и его коллеги официальным определениям «рабовладения» и «феодализма»? Ответ таков: «в отличие от феода отношения труда и капитала имели и имеют всемирно-исторический характер. Однако если капитал может существовать в разных исторических «формациях», то капитализм как система есть, несомненно, явление, возникшее только после⁵ средневекового общества»⁶. Таким образом, «рабовладение», равно как и «феодализм», – категории только европейской истории.

Дальнейшие исследования привели учёного к началу 80-х гг. XX в. к четырёхступенчатой типологии развития западноазиатского общества, описанные в статье 1982 г. ««Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: проблемы типологии». В предельно общем виде эволюция государства и общества Древнего Востока выглядит так.

¹ Дьяконов И.М. Пути истории. – С. 29.

² Там же. – С. 30.

³ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. – С. 18, 32, 180, 231–232, 242, 260, 264, 283, 290–291.

⁴ Дьяконов И.М. Пути истории. – С. 7.

⁵ Разрядка автора.

⁶ Дьяконов И.М. Указ. соч. – С. 8.

Номовый этап. В отличие от непрочных и часто огромных племенных союзов поздней первобытности, первичные государства всегда крайне невелики по объёму, будучи одной или несколькими тесно связанными между собой общинами. Такое государство, чтобы быть устойчивым, требует наличия естественных границ. Такого рода образования с храмом главного божества в центре И.М. Дьяконов и именуется «номом»¹. Храмовый центр являлся ядром образования города, поэтому «городская» революция совпадает по времени с образованием стратифицированного «цивилизованного» общества и собственно государства. «Мы исходим из того, что город является пунктом, в котором осуществляется сосредоточение, перераспределение и реализация прибавочного продукта»².

Номовое государство в зависимости от естественных условий могло перейти на один из четырёх путей развития:

1) Сосуществование государственного и общинно-частного секторов экономики. Характерен для областей Нижнего Евфрата (Шумера), Элама. Шумер и Элам пересечены руслами многих рек и каналов, так что основа номового деления сохранялась и объединения были непрочными.

2) Египетский путь развития, в значительной степени гипотетический – из-за отсутствия достаточного массива хозяйственной документации. Номы Египта группировались цепочками вдоль единственной транспортной артерии – Нила, что привело к раннему возникновению государства и поглощению общинного сектора экономики государственным.

3) Аридные окраины Западного Средиземноморья, где преобладал общинно-частный сектор общества и экономики. В государственном отношении это были военные союзы³.

4) Античный путь развития, возникший в условиях развитого товарно-денежного хозяйства и международного обмена. Характерен для Центрального Средиземноморья: Греции и Италии. Общинно-частный сектор принимает специфическую – *полисную* форму⁴.

Период древности. Период древности И.М. Дьяконов делит на две ступени, обозначаемые им, соответственно, I и II. Ранний период древности на Востоке (I, III – II тыс. до н. э.) отличается от позднего (II, I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). Разница в том, что во второй период полноправными свободными оказались только горожане-общинники («город», как уже указывалось выше, – понятие западное), а собственно крестьянство сливается с массами т. н. «царских людей»⁵.

¹ Дьяконов И.М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: Проблемы типологии // ВДИ. – 1982. – № 2. – С. 3.

² Там же. – С. 3. Определение предложено О.Г. Большаковым и В.А. Якобсоном.

³ В 1971 г. эта схема выглядела так: *тип 1А*: общество с речной ирригацией и равновесием в секторах (Шумер, Элам, Вавилония); *тип 1Б*: общество без речной ирригации и с преобладанием общинного сектора над государственным (Аррапха, ранняя Ассирия, минойская цивилизация, периферия Балкан, Малой Азии и Кавказа и Ирана I тыс. до н. э.); *тип 1В*: общество с речной ирригацией и подавляющим господством государственного сектора (Египет) (Дьяконов И.М. Основные черты древнего общества. – С. 142).

⁴ Дьяконов И.М. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: Проблемы типологии. – С. 3–6.

⁵ Дьяконов И.М. Основные черты древнего общества. – С. 140.

По мере чёткого вычленения эксплуатируемого класса, противостоящего (пока не расчленённому) классу свободных, система управления социумом институционализируется, получает постоянную общепризнанную структуру, аппарат принуждения – и превращается в государство. Вместе с оформлением, с одной стороны, четко определившегося эксплуатируемого класса, а с другой – государственного аппарата кончается вторая историческая фаза и начинается третья – фаза ранней древности, первая для классового общества¹. Большие храмовые (жреческие) и «княжеские» хозяйства велись силами людей особого, трудящегося класса, отличного от класса свободных. И.М. Дьяконов предложил называть представителей этого класса «илотами»².

Особенностью этого этапа развития человечества стало состояние своего рода «мировой войны», т. к. образовавшийся государственный аппарат и новые элиты требуют возрастающего производства прибавочного продукта. Однако рост этого продукта имел свои пределы: как демографические, так и экономические (истощение почв, ограниченность норм эксплуатации илотов и проч.)³.

Основных источников увеличения прибавочного продукта было три: 1) ограбление соседей, 2) увеличение численности рабочей силы путём захвата новых территорий, 3) неэквивалентная торговля. В древности не существовало упорядоченно функционирующего международного рынка, поэтому не могло быть и речи о реальном увеличении объёма прибавочного продукта (он ограничивается уровнем развития технологии), а только о перераспределении производимых прежним способом благ⁴.

«Имперский» период. Создание древних «империй» было следствием необходимости и попыткой объединения перечисленных путей увеличения прибавочного продукта. Однако исторически необходимость увеличения прибавочного продукта совпала с процессом интеграции областей общественного производства (средств производства и средств потребления). Империи, наподобие Ассирийской и Ахеменидской (изучению которых И.М. Дьяконов посвятил множество работ), являлись конгломератом автономных политических и этнических единиц, обязательно неодинаковых по экономическому устройству и экономическим нуждам. Таким образом, объединение преследовало цели принудительного обмена⁵. Империя была механизмом ограбления и как таковой не могла быть устойчивой и существовать сколько-нибудь значительные с точки зрения масштабов истории временные промежутки⁶.

Возникновение полиса. Процесс возникновения империй нельзя считать «специфически восточным», так как он затронул и общества Запада, а Римская Империя оказалась самым устойчивым имперским организмом, благодаря со-

¹ Дьяконов И.М. Пути истории. – С. 26.

² Дьяконов И.М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. – 1973. – № 4. – С. 3–29. Типологию методов использования труда «илотов» и «крепостных» см.: там же. – С. 13–17.

³ Дьяконов И.М. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: Проблемы типологии. – С. 6–7.

⁴ Там же. – С. 7.

⁵ Там же. – С. 7–9.

⁶ Характерно, что в 70–80-е гг. И.М. Дьяконов указывал, что классификация с позиций обозначенной схемы обществ Китая и Индии не проводилась. В принципе, эта тенденция сохраняется по сей день, ибо анализ, данный самим Дьяконовым в «Пути истории», не всегда бесспорен, тем более, что Дьяконов не являлся специалистом по цивилизациям Южной Азии и Дальнего Востока.

четанию имперской бюрократии с местным самоуправлением (что и позволило М.И. Ростовцеву охарактеризовать римское государство как «федерацию полисов»). Однако Средиземноморское побережье практически выпадало из охарактеризованного процесса: именно на «имперском этапе» возникли полисы.

Типологически полис относился к третьему пути развития – сосуществования общинно-частного сектора экономики с государственным, однако после падения Микенского царства и ахейских государств государственный сектор был уничтожен¹. Новый тип государства складывался в рамках только общинно-частного сектора экономики, управляясь собранием полноправных граждан и выборными же лицами, что позволяло обходиться без развитой бюрократии. Так возникает феномен полисной собственности и полисной государственности, где территориальная община или конгломерат общин и государство совпадают. Полисная экономика позволяла существовать индивидуальному производителю. Полисная солидарность позволила уничтожить ростовщический капитал и, соответственно, долговое рабство. Это могло быть только при наличии достаточно развитого товарного рынка – международного².

Гораздо более важными были последствия полисного пути развития для социально-психологической стороны бытия обитателей эллинского города-государства. Оказалось, что коллективизм (в форме сознательной гражданской солидарности) уживались с высокой ценностью личности (тезис И.М. Дьяконова об «индивидуальности» спорен). Это сочетание позволило достичь высокого уровня культуры и технологии при сохранении рамок мифологического сознания.

Очевидно, однако, что потенции путей развития, равно полисного и имперского, были крайне ограниченными. Римская империя была радикальной попыткой совмещения этих путей развития, но выработала весь естественный ресурс своего развития³. Начинался процесс феодализации.

Дальнейшее осмысление этапов развития человечества автором представлено в итоговой монографии «Пути истории». Во введении там имеется следующее суждение: «Но если рабовладельческая формация была не рабовладельческой, то и феодальная была не феодальной. Маркс ввёл понятие «феодализм» в качестве одной из ступеней исторического процесса Западной Европы потому лишь, что в середине XIX в. имел смутные сведения о средневековом обществе Восточной Европы и Азии. Феод – земельное владение или право на доход, пожалованное сюзереном вассалу под условием несения службы и уплаты дани сюзерену. Это – система организации средневекового господствующего класса, характерная для Западной Европы до эпохи абсолютных монархий, но совершенно несвойственная едва ли не большинству средневековых обществ за пределами западноевропейской политической традиции. Поэтому называть всякое средневековое общество феодальным – значит подравнивать весь мир под Европу. Вряд ли этот термин заслуживает увековечения»⁴. Эмо-

¹ Характерно, что не обошлось без исключений: в Спарте остался только государственный сектор // Там же. – С. 12.

² Дьяконов И.М. Указ. соч. – С. 13–14.

³ Дьяконов И.М. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: Проблемы типологии. – С. 14–15.

⁴ Дьяконов И.М. Пути истории. – С. 8.

циональность И.М. Дьяконова легко объяснима, благо, она не мешала трезвому и взвешенному анализу.

По И.М. Дьяконову, «не всегда легко определить, где проходит черта разграничения между обществами древними и уже раннесредневековыми. Вообще несомненно, что грань между древним... и средневековым (крепостническим, феодальным) обществами не так резка, как грань между обществом феодальным и капиталистическим. При переходе от древности к феодализму мы не наблюдаем ни победы одного из борющихся древних классов над другим, ни создания третьего класса, который и становился бы классом-гегемоном...»¹ Главное здесь то, что перерождение характера экономических отношений происходит *за пределами городов*. Таким образом, древность и средневековье «*вместе*» противостоят капитализму по характеру свойственных им целей производства (самовоспроизводство хозяйств, а не создание прибыли)². Незначителен был и технический прогресс. Однако это не означает отсутствия принципиальной разницы между древним и средневековым обществами.

Разницу И.М. Дьяконов вновь обнаруживает в отношениях собственности. «В противоположность средневековью в древности мы не наблюдаем совпадения суверена территории с собственником земли и ренты (категории тогда ещё частноправовой) с налогом (категорией тогда, несомненно, публично-правовой, будь то налог деньгами, натурой или трудом); здесь господствуют разнообразные типы сочетания государственной собственности с наличием разнообразных видов общины как организации *полноправных* сельских хозяев-собственников...»³.

Важнейшим выводом И.М. Дьяконова в этот период его теоретической деятельности были следующие. 1) Для смены исторических фаз необходим коренной переворот в социальной психологии, в идеологии, в мировоззрении. Но этого мало: он должен сопровождаться переворотом в технологии, и прежде всего в технологии производства оружия⁴. 2) На современном уровне развития теории нет необходимости говорить о наличии особой азиатской формации, понимаемой как некий ранний этап классового развития человечества как такового, предшествовавший «рабовладельческой формации»⁵, или же как особой формации, свойственной только восточным обществам в отличие от всего остального человечества⁶.

Summary

I.C. Kalimonov, D.E. Martynov. Igor M. Dyakonov's phase theory: Oriental studies and judgement of global history.

The paper is devoted to epistemological situation in a historical science of second half of XX century. The searches of the general laws has led to substitution of history by sociology, to the description of various cultural or social conditions of a society that has led to a with-

¹ Дьяконов И.М. Основные черты древнего общества. – С. 143.

² Там же. – С. 143. Курсив авторов.

³ Там же. – С. 143–144.

⁴ Дьяконов И.М. Пути истории. – С. 98.

⁵ «При таком толковании термин «*азиатский* способ производства» кажется особо неудачным» (Дьяконов И.М. Основные черты древнего общества. – С. 145).

⁶ Там же. – С. 145.

drawal from studying individual event, underestimation of the narrative history, allowing to describe the individual phenomena in their constant change, considering thus a ratio casual and necessary in history. The history appeared in these descriptions as something of the set, certain statistical laws resolved by action existing separately from activity of concrete people. Igor M. Dyakonov began to examine history from a phenomenological position. His theory can be used for reconstruction of global history as synthetic sides of both competing research programs are connected: nomological and ideographic.

Поступила в редакцию
14.09.06

Калимонов Ильдар Кимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Казанского государственного университета.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры новой и новейшей истории Казанского государственного университета.